
ЭТИКА

Н. В. ОМЕЛЬЧЕНКО

СМЫСЛ ЖИЗНИ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

На примере концепции смысла жизни Виктора Франкла показывается глобальный характер данной проблемы. Автор статьи полемизирует с этой теорией и полагает, что проблема смысла человеческой жизни решаема, если мы станем трактовать его трансцендентно, то есть в связи с Абсолютом, бесконечностью, бессмертием. В заключение говорится, что человечеству еще предстоит узнать свою сущность для оптимизации деятельности на Земле и в Космосе.

Новизна работы: теория Франкла определяется как концепция ситуативного смысла жизни; смысл жизни имеет трансцендентный характер и связан с бессмертием; смысл жизни связан с подлинным бытием личности, которое реализуется тогда, когда ее повседневное существование соответствует ее глубинной сущности. Методология исследования: экзистенциальный анализ, диалектика сущности и существования, опыт самопознания.

Ключевые слова: *вопрос о смысле жизни, ситуативный смысл, объективность смысла, подлинное бытие личности, глобальный смысл человеческого бытия.*

In this paper, Viktor Frankl's conception of the meaning of life is an example for demonstration of the global character of this problem. The author of the paper polemizes with this theory and believes that the problem of the meaning of human life can be solved if we interpret it transcendently, that is, in connection with the Absolute, infinity, immortality. In conclusion, it is said that humanity has yet to learn its essence in order to optimize activities on the Earth and in the Cosmos.

The novelty of the work: Frankl's theory is defined as the conception of the situational meaning of life; the meaning of life has a transcendent character and is associated with immortality; the meaning of life is connected with the genuine being of personalities, which is realized when their daily existence correspond to their deep essence. Research methodology: existential analysis, dialectics of essence and existence, experience of self-knowledge.

Keywords: *the question of the meaning of life, situational meaning, an objective character of meaning, the genuine being of personality, the global meaning of the human existence.*

Виктор Франкл (1905–1997) предложил оригинальную трактовку смысла человеческой жизни. Его подход мы называем концепцией ситуативного смысла жизни.

Вопрос о смысле

По мнению Франкла, этот вопрос в явном или неявном виде присущ самой природе человека. Сомнения в смысле жизни нельзя рассматривать как проявления психической патологии; напротив, эти сомнения отражают истинно человеческие переживания, они являются признаком самого человеческого в человеке. Так, вполне можно представить себе высокоорганизованных животных даже среди насекомых – скажем, пчел или муравьев, – которые во многом превзошли человека по части организации своих сообществ. Но невозможно представить, чтобы подобные создания сомневались в смысле собственного существования и задумывались о нем. Только человек обнаруживает проблематичность своего бытия. Эта способность сомневаться в значимости собственного существования значительно больше выделяет человека среди животных, чем такие его достижения, как прямохождение, речь или понятийное мышление [Франкл 1990: 157–158].

Согласно В. Франклу, сегодня мы имеем дело с фрустрацией не сексуальных потребностей, как во времена З. Фрейда, а потребностей экзистенциальных. Пациент страдает не столько от чувства неполноценности, как во времена А. Адлера, сколько «от глубинного чувства утраты смысла, которое соединено с ощущением пустоты». В этой связи ученый говорит «об экзистенциальном вакууме». По его мнению, «ощущение отсутствия смысла становится все более распространенным явлением» [Там же: 24, 25]. В докладе «Плюрализм науки и единство человека» (1965) Франкл так пояснял термин «экзистенциальный вакуум»: «Речь идет об ощущении внутренней пустоты, о чувстве глубочайшей смыслоутраты, с которым мы, психиатры, встречаемся на каждом шагу» [Там же: 47]. Экзистенциальный вакуум проявляется главным образом в ощущении скуки [Там же: 64].

Психолог полагал, что редукционизм со своей тенденцией реификации, овеществления и деперсонализации человека действует на руку экзистенциальному вакууму. Он цитировал американского

социолога Уильяма Ирвина Томпсона: «Люди не являются предметами, подобно столам или стульям, и если они обнаруживают, что их жизнь редуцируется к простому существованию столов или стульев, они совершают самоубийство» [Франкл 1990: 47].

По Франклу, в отличие от человека вчерашнего дня, традиции не диктуют сегодняшнему индивиду, что ему должно. Не зная ни того, что ему нужно, ни того, что он должен, человек утратил ясное представление о том, чего же он хочет. В итоге он либо хочет того же, чего и другие (конформизм), либо делает то, чего другие хотят от него (тоталитаризм). Кроме того, появились так называемые ноогенные неврозы, которые проистекают не из комплексов, а из угрызений совести, ценностных конфликтов, из экзистенциальной фрустрации [Там же: 25, 26].

Для лечения таких неврозов Франкл предложил логотерапию с понятием «стремление к смыслу» [Там же: 27]. Стремление найти смысл жизни является первичной мотивацией человека. Вот почему, поясняет Франкл, «is peak of a will to mean in gin contrast to the pleasure principle (or, as we could also termit, thew ill to pleasure), on which Freudian psycho analysis is centered...»* [Frankl 2006: 99].

Стремление к смыслу (the will to meaning) представляет собой «мотив *suigeneris*, который несводим к другим потребностям и невыводим из них...»; оно определяется как «базовое стремление человека найти и осуществить смысл и цель» [Франкл 1990: 57]. Ученый намеренно говорит «о стремлении к смыслу, чтобы предупредить его неправильное толкование в терминах влечения к смыслу» [Там же: 63]. По его мнению, непосредственный жизненный опыт говорит нам, что влечения толкают индивида, а смысл притягивает человека; следовательно, всегда в его воле решить, хочет он реализовать данный смысл или нет.

Очевидно, по логике Франкла, стремление к смыслу можно назвать неким человеческим началом, принципом смысла или потребностью в смысле. Человек обладает глубоким драйвом к смыслу, и от данного побуждения ему не отмахнуться и не отвернуться. Этот внутренний импульс снова и снова будет донимать человека вопросом, зачем он живет на белом свете. По наблюдениям психо-

* «Я говорю о *стремлении к смыслу*, в отличие от принципа удовольствия (или, как мы могли бы также назвать его, *стремления к удовольствию*), на чем сосредоточен фрейдовский психоанализ...» (перевод мой. – Н. О.).

лога, «потребность и вопрос о смысле жизни возникает именно тогда, когда человеку живется хуже некуда» [Франкл 1990: 29].

Данное замечание дополним рассуждением Достоевского, который в уста своего Великого инквизитора вложил такие слова: «Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы» [Достоевский 1993: 215]. Иначе говоря, в условиях изобилия и комфорта тоже может одолевать скука, и тогда человеку бывает «хуже некуда».

Сегодня экзистенциальный вакуум побуждает все большее количество людей спрашивать себя: «Зачем жить?» Проблема смысла жизни стала фактически глобальной. Это, в частности, означает, что теперь на сугубо философскую тему рассуждают не только профессионалы. Обыкновенные люди также дискутируют извечный вопрос. Впрошая «зачем?», они включают свет разума, и это, несомненно, делает им честь. Дальнейшее размышление ведет в область метафизики, где каждый человек неизбежно становится философом. Вот почему логотерапия Виктора Франкла есть во многом философская терапия.

Всякое бытие для своего присутствия в мире нуждается в сущности, а человеческое бытие – в смысле, соответствующем его сущности. Другими словами, смысл бытия личности реализуется тогда, когда ее повседневное существование соответствует ее глубинной сущности. Поиск и осуществление жизненного смысла для человека означает познание и реализацию собственной сущности, благодаря которой человек укоренен в этом мире.

С этой точки зрения легко принять представление Франкла об экзистенциальном вакууме как факторе, обуславливающем ноогенные неврозы и самоубийства. Он приводит весьма характерные свидетельства. Вот одно из них:

Из статистики известно, что среди причин смертности у американских студентов второе место по частоте после дорожно-транспортных происшествий занимают самоубийства. При этом число *попыток* самоубийства (не закончившихся смертельным исходом) в 15 раз больше.

Мне сообщили интересные статистические данные, полученные при опросе 60 студентов Университета штата Айдахо после подобных попыток самоубийства. У них подробнейшим образом выяснялось все, что связано с мотивом это-

го поступка, и вот что было обнаружено: 85 процентов из них не видели больше в своей жизни никакого смысла; при этом 93 процента из них были физически и психически здоровы, жили в хороших материальных условиях и в полном согласии со своей семьей; они активно участвовали в общественной жизни и имели все основания быть довольными своими академическими успехами [Франкл 1990: 26].

Другой пример из письма американского студента Франклу:

Мне 22 года, <...> у меня есть ученая степень, у меня шикарный автомобиль, я полностью независим в финансовом отношении, и в отношении секса и личного престижа я располагаю большими возможностями, чем я в состоянии реализовать. Единственный вопрос, который я себе задаю, – это какой во всем этом смысл [Там же: 41].

Как видно, у этих американских студентов все в порядке по части их социального статуса. Нет порядка только в одном – в смысле их человеческого бытия. Отсутствие же сущностного, скрепляющего стержня (каким является смысл) разрушает их внутреннее и внешнее бытие. Очень важно: ментальная реальность разрушает физическую (телесную) реальность. Это подтверждает ту идею, что экзистенция является автономно существующей структурой, которая не сводится к физическим, социальным и другим материальным феноменам.

Согласно нашему пониманию, экзистенция как идеальная, духовная реальность имеет свою жизнь, обладает своей динамикой и может быть конструктивна либо деструктивна не только для смыслов человеческого существования, но и для других форм бытия. Благодаря своей активности дух человека оказывает *непосредственное* влияние на внешний мир и самого себя. Мы говорим об *экзистенциальном поле личности, поле человеческого духа*. Экзистенция является проводником смыслов и понимания. Именно в этом ментальном пространстве осуществляются терапевтические эффекты.

На наш взгляд, проблема смысла человеческой жизни решаема, если мы станем трактовать его трансцендентно, то есть в связи с Абсолютом, бесконечностью, бессмертием, с будущими результатами наших сегодняшних действий. Смысл жизни имеет трансцендентный, уходящий в бесконечность характер.

Согласно В. Франклу, даже в нормальных условиях сильная ориентация на смысл способствует укреплению здоровья, продле-

нию и сохранению жизни. Она содействует не только физическому, но и психическому здоровью [Франкл 1990: 67].

Мы дополним эту идею: не только ориентация, но и *удержание* своего жизненного смысла в качестве путеводной звезды является жизнетворным фактором. Человеку необходимо держаться смысла своей жизни еще и для того, чтобы его жизнь была его личной, персональной, а не выкроенной по чужим меркам; тогда будет дан ответ на самый главный вопрос: «Зачем жить?» Здесь важен не вопрос, как прожить в данной ситуации, как выжить в ней, как пройти, преодолеть ее, а важен вопрос о деле всей жизни как персональной миссии, вопрос об индивидуальной сущности, которая побуждает человека к данной миссии, к *его* делу.

В последнем случае сущность человека стремится выйти в объективный мир для своей реализации, стремится трансцендировать себя. Для осуществления этой самотрансценденции сущность человека все время будет напоминать ему о самой себе вопросом о смысле жизни, который в конечном счете должен быть адекватным сущности человека. Можно сказать иначе: для смыслонаполненной жизни человек должен соответствовать своему понятию, то есть своей сущности. Очевидно, современная социальная ситуация не всегда обеспечивает подобную самореализацию индивида, но это не означает, что данная логика неверна, – она задает высокий ориентир социальному развитию: цивилизованное общество не может быть безразличным к бессмысленной, бестолковой жизни своих членов и своей жизни как социума в целом.

Ситуативность смысла

Франкл предпочитает говорить о конкретном смысле конкретной ситуации. Это всегда «требование момента», которое адресовано конкретному человеку. Каждый день и каждый час предлагают новый смысл для каждого человека. Однако смысл вездесущ. Смысл есть для каждого, и для каждого имеется свой особый смысл. «Нет такой ситуации, в которой нам бы не была предоставлена жизнью возможность найти смысл, и нет такого человека, для которого жизнь не держала бы наготове какое-нибудь дело». Возможность осуществить смысл всегда уникальна, и человек, который может ее реализовать, всегда неповторим [Там же: 40].

Психолог считает, что «мы живем в век распространяющегося все шире чувства смыслоутраты». В век, когда десять заповедей, по-видимому, уже потеряли для многих свою силу, человек должен

быть приготовлен к тому, чтобы воспринять 10 000 заповедей, заключенных в 10 000 ситуаций, с которыми его сталкивает жизнь [Франкл 1990: 39]. Таким образом, жизнь для человека оказывается калейдоскопом новых смыслов, а жизненный смысл является ситуативным и объективным.

Франкл рассказывал: «Мы хотим научить наших пациентов тому, что Альберт Швейцер назвал благоговением перед жизнью» [Там же: 182]. Но убедить индивида в том, что жизнь обладает какой-либо безусловной ценностью, можно лишь в том случае, если удастся помочь ему наполнить жизнь каким-либо смыслом, определить цель своего существования или поставить перед собой жизненную задачу. Франкл цитировал Фридриха Ницше: «Если у человека есть основание для жизни, он вынесет почти любые ее условия» [Там же: 182–183].

По Франклу, огромную психотерапевтическую и психогигиеническую ценность имеет убежденность человека в том, что *ему есть ради чего жить*, что перед ним стоит жизненно важная задача. Особенно ярко это проявляется в том случае, когда человеку эта задача кажется будто специально предназначенной для него лично, когда она представляет собой нечто вроде *миссии*. Жизненная задача, за которую личность несет ответственность, всегда специфична. Во-первых, задачи различны для разных людей, и это зависит от своеобразия и неповторимости каждого человека. Во-вторых, даже личная задача изменяется с каждым днем и часом, в зависимости от специфичности каждой сложившейся ситуации [Там же: 183].

Франкл напоминает о тех ценностях, которые Макс Шелер назвал «ситуативными» – в отличие от «вечных», непреходящих ценностей, имеющих смысл всегда и для каждого. Ситуативные ценности всегда «где-то за сценой» в ожидании своего часа, и человек имеет, по сути, единственную возможность реализовать их. Если эта возможность упущена, она теряется безвозвратно; ситуативная ценность так и остается нереализованной. Для человека эта ценность потеряна навсегда [Там же: 183–184]. Очевидно, Франкл следует за Шелером, предлагая ситуативный смысл жизни.

Как отмечает Д. А. Леонтьев, для Франкла правильной постановкой вопроса является не вопрос о смысле жизни вообще, а вопрос о конкретном смысле жизни данной личности в данный момент. Каждая ситуация несет в себе свой смысл, разный для разных людей, но для каждого он является единственным и единственно

истинным. Не только от личности к личности, но и от ситуации к ситуации этот смысл меняется [Леонтьев 1990: 13].

Более того, для Франкла жизненной задачи «вообще» не существует, сам вопрос о задаче «вообще» или о смысле жизни «вообще» – бессмыслен. Он подобен вопросу репортера, который спросил гроссмейстера: «Ну а теперь, маэстро, скажите мне, какой самый лучший ход в шахматах?» Ни на один из подобных вопросов нельзя ответить в общем виде; мы всегда должны учитывать конкретную ситуацию и конкретного человека [Франкл 1990: 189].

По Франклу, «спрашивать о смысле жизни вообще – ложная постановка вопроса, поскольку она туманно апеллирует к общим представлениям о жизни, а не к собственному, конкретному, индивидуальному существованию каждого». По мнению психолога, сама жизнь (и никто иной!) задает вопросы людям. Не человеку вопрошать об этом; более того, ему было бы полезно отдать себе отчет в том, что именно ему (и никому другому) держать ответ перед жизнью; что он вынужден быть ответственным перед ней и, наконец, что ответить *перед* жизнью можно, только отвечая *за* жизнь [Там же: 190].

Согласимся, что вопрос о смысле жизни вообще есть вопрос абстрактный. Но допустимо говорить о смысле жизни каждого отдельного человека, о смысле конкретной жизни в целом, а не только о смысле проживания в данной ситуации. Никто не сможет уйти от этого важнейшего вопроса, вопроса о смысле его персональной жизни в целом.

Если для Франкла вопрос о смысле конкретной жизни в целом является бессмысленным, то в этом заключается ограниченность его теории. Кроме того, не только «сама жизнь... задает вопросы людям», но и сам человек постоянно вопрошает о смысле своего бытия. Франкл излишне подчеркивает объективный характер смысла и оставляет в тени субъекта действия. В его теории человек является прежде всего объектом воздействия жизненных обстоятельств, исполнителем внешних требований, рекомендаций и предписаний, исходящих от очередной ситуации. Ситуации захватывают индивида, ситуации окружают его, ситуации нагружают человека смыслами, а тот их покорно, более того, с готовностью принимает и исполняет, полагая себя счастливым. Нагруженный и перегруженный ситуативными смыслами индивид напоминает игрушечного зайца-барабанщика, который всегда энергично занят своим делом, если его правильно заводят. Одним словом, человек ока-

зывается марионеткой жизненных ситуаций, внешних условий и в конечном счете судьбы. В таком случае человек живет чужой жизнью, он живет жизнью объективной ситуации, но не живет своей жизнью, у него нет собственной жизни. Пожалуй, он будет мнить себя занятым человеком, ответственным человеком дела (как, например, Иван Ильич Головин из повести Л. Н. Толстого [1886], но с безответными вопросами: зачем ему все это? Зачем все его усилия? Зачем он родился на свет? Какова его миссия в этом мире? Если бы мы только знали...).

Возможно, для марионетки судьбы безоглядная занятость, суетная погруженность в дела является настоящим спасением от вопроса «Зачем жить?» Марионетка проживает свою жизнь по установкам судьбы. Жизнь марионетки принадлежит Другому. У марионетки нет своей жизни, нет своей миссии, и потому любые вопросы на эту тему ни к чему, они могут быть болезненны для марионетки, которая однажды вдруг захочет перестать быть марионеткой. Уже сам вопрос о смысле собственной жизни колеблет статус марионетки, в ней пробуждается самосознание, ее собственное Я, ее самость, которая вскоре пожелает иной жизни для себя, когда человек сам определяет свою судьбу, свои дела, свою миссию, исходя из своей потаенной сущности. Такой человек трансцендирует свою самость, в том числе за пределы ситуации, и устанавливает свой масштаб для своей жизни. В таком случае человек становится человеком. Смысл жизни конституирует человека, определяет его, выявляет, кто же он на самом деле. Иначе говоря, смысл жизни есть форма идентификации человека.

В теории Франкла человек оказывается лишь *объектом* воздействия ситуации, лишь реагирует на вызовы ситуации, он остается исполнителем внешних требований, марионеткой ниспосланной ему судьбы. И как марионетка он выбирает тот ситуативный смысл, который спасает его в данной ситуации. Однако это минимум, на что может рассчитывать человек в своей земной участи. Норма состоится тогда, когда человек станет *субъектом* своего свободного выбора и действия, и этот выбор будет обусловлен прежде всего индивидуальной сущностью человека, зовом его сущности, который есть в то же время божественный призыв, вложенный в человека. Живя своей жизнью, а не навязанной конкретной ситуацией, человек исполняет божественную заповедь, которая есть его внутренняя сущность, дух. Сократ и Христос жили такой жизнью.

Франкл утверждает, что в служении делу или любви к другому человек осуществляет сам себя. Лишь в той мере, в какой человеку удастся осуществить смысл, который он находит в окружающем мире, он осуществляет и себя. Франкл цитирует Карла Ясперса: «Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим» [Франкл 1990: 59].

Здесь еще раз оттеним свою позицию. На наш взгляд, смысл человеческой жизни имеет субъективно-объективный характер. Он субъективен, поскольку проистекает из сущности человека, и объективен, поскольку обращен к миру, осуществляется в мире и для мира.

Франкл замечает: «Если я хочу стать тем, чем я могу, мне надо делать то, что я должен. Если я хочу стать самим собой, я должен выполнять личные и конкретные задачи и требования. Если человек хочет прийти к самому себе, его путь лежит через мир» [Там же: 120].

Спросим сами себя: но кто знает, что человек *должен* делать? Если бы мы только знали...

Очевидно, «должно» вытекает из стремления привести в соответствие мое существование с моей сущностью. Это стремление может быть бессознательным, интуитивным, слепым, кривым, нелегким, на ощупь, но движением к самоосознанию, к моему смыслу, который я привношу в этот мир вместе с моим действием, с моими мыслями и поступками. Мой смысл пульсирует во мне, стучится ко мне, требует открыть ему дверь и увидеть его. Смысл и субъект идут навстречу друг другу. Сущность человека объективно существует, и она *должна* быть реализована во внешнем мире. Человек должен реализовать свою сущность, которая, иными словами, есть Божий дар; тем самым человек исполнит свое божественное предназначение в мире. «Царствие Божие внутри вас есть», – говорил Иисус Христос [Лк. 17:21]. Тогда человек обретет реальный смысл, его смысл станет актуальным и перестанет быть потенциальным, в зародыше, в проекте человеческого бытия.

Своими действиями, своим смыслом я вхожу в объективный мир, я обогащаю его, я персонализирую его, приближаю его к себе, мир становится дороже мне, поскольку в нем имеется мое Я. Мой дух остается в моих делах, в моих результатах, – это и есть та «доля бессмертия и вечности» (Платон), которая отпущена смертному существу. Одним словом, благодаря человеку мир очеловечивается. Своими смыслами человек поднимает мир до своего уровня,

делает мир адекватным себе. Общество становится адекватным индивиду, а человек – адекватным обществу. Значимость, ценность личности состоит, в частности, в том, что она своим смыслом трансформирует общество. Все разумное рано или поздно становится действительным. Важно поэтому поддерживать огонек этого разумного в индивидах. «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [Ин. 1:5].

По Франклу, чем больше человек отдает себя делу, чем больше он отдает себя своему партнеру, тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой. Таким образом, он может реализовать себя лишь в той мере, в какой он забывает про себя, не обращает на себя внимания [Франкл 1990: 29–30]. Однако, на наш взгляд, забывать про себя все же не стоит. Предпочтительнее динамичная гармония интересубъективных отношений, а не жертвоприношение индивида обществу или Другому.

Для Франкла поиск смысла связан с поиском человека своего дела; «эта направленность на дело дает нам силы не только жить, но и умереть ради него» [Там же: 32]. На наш взгляд, такое дело должно соответствовать прежде всего сущности конкретного человека, а не только конкретной жизненной ситуации.

Объективность смысла

Франкл критически относится к идее самореализации человека как к главной цели, как к смыслу человеческого бытия. Он риторически вопрошает: «Заключается ли его существование в осуществлении возможностей, заложенных в самом человеке, или все же в том, о чем мы говорили ранее: в осуществлении возможностей существующего в мире смысла, возможностей, которые ждут человека, способного реализовать их?» [Там же: 70]. Одним словом, жизненная задача человека – реализовать объективный смысл, заложенный в объективной ситуации. Именно объект предлагает смысл, который является своеобразным вызовом человеку, и человек должен принять данный вызов.

Далее Франкл говорит о том, что «дело не в осуществлении каких-либо возможностей, а, напротив, в осуществлении необходимости – того единственного, что нужно в данный момент. Дело в том, чтобы стремиться всякий раз не к возможному, а к должному» [Там же].

Как видим, Франкл настаивает на объективном смысле, на смысле, который существует в мире и который нужно реализовать. Но остается вопрос: зачем мне нужно осуществлять внешние смыслы, если при этом я теряю самого себя? Такие объективные смыслы становятся для меня чужими. По Франклу, человеку следует копаться во всех жизненных ситуациях в поисках смысла. Сто ситуаций дадут любопытному сотню смыслов. Но что из этого? Индивид проживет эти смыслы и спросит о смысле его собственной жизни. Франкл мог бы ответить: «Это и была твоя жизнь, осмысленная ситуативно и прожитая ситуативно». Тогда индивид скажет: «Но я не хочу жизни, которая сделана по чужим меркам».

Человека может носить по миру, как щепку в море, и он будет в каждой ситуации находить якобы свой смысл, но это лишь потому, что его носит в житейском море, что он во власти судьбы. Судьба определяет его смыслы для каждой ситуации. Он прочно привязан к конкретной ситуации, в которой нельзя поставить вопрос о смысле своей собственной жизни, потому что его индивидуальной жизни попросту нет. Поэтому можно довольствоваться смыслом данной ситуации, а о смысле жизни и не думать, поскольку автономной жизни у индивида нет.

Верно, что феномен смысла притягивает человека и заставляет его вновь и вновь задумываться о своей жизни. В этом контексте смысл объективно и необходимо существует. Но его нужно увидеть в себе как потенциал, как возможность, мимо которой можно пройти, окунувшись в мир текучих ситуаций. Такие ситуации превратят и смысл в текучий феномен, меняющийся от ситуации к ситуации. Но тогда и человек превратится в подобие флюгера, вынужденно реагирующего на каждую ситуацию. В таком случае смысл окажется изменчивым и фактически ускользающим от человека. Такой смысл может помочь на время, он обеспечивает лишь временную поддержку. Но человеку этого недостаточно. Ему нужен смысл, как нить Ариадны в лабиринте жизни. Теория Франкла этого не дает, даже не намекает на смысл всей индивидуальной жизни, убирает от человека самое возможное говорить о таком смысле.

Человек может изменяться, но не терять себя, оставаться верным себе, своей сущности, своей самости. Пределы изменяемости различны. Можно измениться до неузнаваемости, потерять свою идентичность и превратиться в зомби либо в живой труп.

Смысл жизни и подлинное бытие личности

На наш взгляд, смысл жизни человека связан с истинностью его бытия, с подлинным бытием личности. Например, рассматривая *бытие* как способ существования, Эрих Фромм различает две его формы. Одна из них является противоположностью *обладания* и означает жизнелюбие и подлинную причастность к миру. Другая форма бытия – это противоположность *видимости*, она относится к истинной природе личности или вещи, в отличие от обманчивой видимости [Фромм 1990: 31]. Согласно Фромму, «быть» по своему этимологическому корню означает нечто большее, нежели констатация тождества между субъектом и атрибутом. «Быть» обозначает реальность существования того, кто или что *есть*; оно констатирует его или ее достоверность и истинность. Утверждение, что кто-то или что-то *есть*, относится к сущности лица или вещи, а не к его или ее видимости [Там же: 30].

Здесь уместно вспомнить давнюю метафизическую традицию истолкования истины бытия. Суть данного понимания истины выражается в «Метафизике» Аристотеля [1976: 95] следующим образом: «...в какой мере каждая вещь причастна бытию, в такой и истине». Следовательно, то, что в наибольшей степени есть, в наибольшей степени истинно. А Фома Аквинский со ссылкой на Аристотеля утверждал: «...ибо то, что в наибольшей степени истинно, в наибольшей степени есть, как сказано во II книге “Метафизики”» [цит. по: Боргош 1966: 171].

Истина не только предикат мысли; истина не только там, где налицо соответствие мысли и ее предмета. Современный философ Витторио Хёсле говорит о законе онтогносеологического соответствия: «Нечто может быть познано тем отчетливее, чем выше мера его бытия» [Хёсле 1992: 29]. Бытие является наиболее истинным, когда его суть выразилась в нем вполне. В этом случае бытие, обладая максимальной полнотой развития, предельно отчетливо обнаруживает себя, и можно наблюдать, так сказать, откровение бытия.

С этой точки зрения, если человек соответствует своему понятию, то есть своей сущности, то его считают истинным, настоящей личностью. В этой связи можно предложить определение: *подлинное бытие личности реализуется тогда, когда ее повседневное существование соответствует ее глубинной сущности*. Очевидно, такое бытие есть осмысленное и счастливое.

О глобальном смысле человеческого бытия

Франкл пытается распространить свои соображения и рассуждения «на масштаб всей планеты». Он задается риторическим вопросом: не нужна ли подобная переориентация также и в области исследований проблем мира? По сути, эта область уже давно жестко завязана на проблематику агрессивных потенциалов, и никто пока еще не осмелился выйти в человеческое измерение. По его мнению, именно здесь можно встретить такой феномен, как стремление к смыслу, и установить, что в конечном счете фрустрация этого стремления, экзистенциальная фрустрация и распространяющееся все шире ощущение бессмысленности поддерживают агрессивность, если вообще не являются ее причиной [Франкл 1990: 31–32]. «...Агрессивные импульсы разрастаются прежде всего там, где налицо экзистенциальный вакуум» [Там же: 33]. Он цитирует Роберта Джея Лифтона, который в книге «История и выживание человечества» писал: «Люди наиболее готовы к убийству, когда они находятся в смысловом вакууме» [Там же: 33, прим.].

Франкл напоминает: «Эйнштейн как-то заметил, что тот, кто ощущает свою жизнь лишенной смысла, не только несчастлив, но и вряд ли жизнеспособен». И далее психолог спрашивает: не должно ли то, что является верным по отношению к отдельным людям, быть верно и по отношению к человечеству в целом? И не должны ли мы в рамках исследований проблем мира уделить внимание вопросу, не заключается ли единственный шанс человечества на выживание в общей для всех задаче, в одном общем стремлении к одному общему смыслу [Там же: 36].

На наш взгляд, человечеству еще предстоит узнать свою сущность и устроить свою жизнь и развитие на Земле и в Космосе в соответствии с этой сущностью. Другими словами, оптимальная деятельность глобального человечества должна быть адекватной понятию человеческого рода.

Литература

Аристотель. Метафизика / Аристотель // Соч.: в 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. М. : Мысль, 1976. С. 64–367.

Боргош Ю. Фома Аквинский. М. : Мысль, 1966.

Достоевский Ф. М. Великий инквизитор / Ф. М. Достоевский // Братья Карамазовы. Роман в 4 ч. с эпилогом. Ч. 2. Кн. 5. Pro и contra. Глава V. Элиста : Джангар, 1993. С. 208–223.

Леонтьев Д. А. Виктор Франкл в борьбе за смысл / В. Франкл // Человек в поисках смысла / под общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990. С. 5–22.

Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича. 1886 [Электронный ресурс]. URL: <http://tolstoy.ru/online/online-fiction/smert-ivana-ilyicha/index.xhtml>.

Франкл В. Человек в поисках смысла / под общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. М. : Прогресс, 1990.

Фромм Э. Иметь или быть? 2-е изд., доп. М. : Прогресс, 1990.

Хёсле В. Гении философии нового времени. М. : Наука, 1992.

Frankl V. E. Man's Search for Meaning: An Introduction to Logotherapy. Boston, MA : Beacon Press, 2006.